

Булавин Михаил.**Г О Л О Д.**

Вечер незаметно подкрался к Ильюшкиному двору, черной кошкой мелькнул за окном, ворвался в комнату и проглотил последний остаток света.

— Страница 69-я,—запомнил Илья и закрыл книгу. По стеклам окон и по крыше монотонно шлепал дождь и крупные капли скатывались струйками по стеклу.

Ильюшка Вирин сейчас только заметил необыкновенную теплоту одной ноги, на которой лежала собака. Почуяв, что хозяин окончил дело она ласково завиляла хвостом, мерно постукивая им по полу. Ильюшка взял со стола кусок хлеба и бросил его собаке и та понюхала, лизнула теплым шершавым языком Ильюшкину руку и оставила хлеб нетронутым.

Ильюшка вспомнил 1921 год и невольная дрож пробежала по его телу. Невидимая рука открыла перед ним книгу, знакомую ему страницу неповторимого ужаса.

Это было так давно, будто сто лет с тех пор пошло и в тоже время так свежо в памяти как будто было только вчера. Тогда так же как и сейчас земля купалась в лужах грязи, только ветер издеваясь, то свистал по бандистки, то вдруг смолкал и хныкал сплавивая мертвую, не родившую хлеба землю.

Медленно двигался Ильюшка из командировки в полк, поезд тянулся глостою, весь избитый, дрожал скрипя и жаловался на свои избитые чугунные ноги. Пронзительным визгом кричали буксы и поезд останавливался на каждом посту, каждом под'еме. Какой-то человек ползал около вагонов, сопел, ругался, щупал буксу и каплей нефти затыкал ее голодную глотку.

— Ишь ты проклятая, тварь неумная!

Человек махал рукой, хрипел „Готово“, поезд судорожно дергался и вагоны тоскливо скрипя, считали рельсы, а через две версты вновь пищала она голодная и даже вспыхивала огнем.

Проехав за сутки около ста верст Вирин приехал в Воронеж.

Сонный, серый и грязный вокзал, дырявые потные стекла, почерневшие и из'еденные плесенью стены растреливали душу. Теплый, вонючий пар и дым растилаясь над полом противно щекотали нос. В полумраке на полу валялись люди, корчились в углах на мокром заплеванном полу, дрожали кутаясь в полуистлевший хлам, крючками сухих пальцев распахивали из'еденное вшами тело.

Илья устал и присел на полу. Ныли ноги, а живот не переставая хныкать просил хлеба. Он тихонько снял вещевой мешок в котором было фунта два черного как чернотем хлеба, украдкой засовывал руку, разламывал его, сжимал и мял в руке боясь рассыпать, а потом пихал в рот. Кислота и черствость хлеба царапали и обжигали рот, вызывали сильную слюну и слезы, но Ильюшка давясь, же-